

Слава Баширов хорошо знаком читателям журнала, он один из постоянных наших авторов, лауреат года (2018). Баширов – серьёзен. Тематика его стихов разнообразна, мелкотемье ему не грозит. У него ярко выраженное цикличное мышление – тексты выстраиваются таким образом, что возникает общее эмоционально связанное восприятие того, о чём автор размышляет. Яркие образы и метафоры, отражающие его независимое поэтическое мышление, усиливают впечатление от стихов поэта.

Д. Ч.

ГЕРОИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДА ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ

Науму Маргулису

Цедили полезный и горький
напиток, настой на листе,
кореньях, коре или корке
и прочей такой бересте.

Один говорил: знаменито,
другой говорил: ё-моё,
цитатою из Парменида
стояло кругом бытиё,

верней, бытие, орфоэпик
нестрогой беседой рулил,
она посреди благолепий
застольных плыла без ветрил.

Стояла в природе погода,
а время не шло никуда,
один говорил: это что-то,
другой говорил: это да.

Им всё, любомудрам, едино
о чём низачем толковать
цитатою из Августина,
сияла вокруг благодать.

А где-то свершались события,
безбожного много чего,
то дружеское мордобитье,
то выборы из одного.

С утра мегасрач в интернете,
в обед в телевизоре бред,
один говорил: чтобы эти,
другой говорил: это нет.

Там где-то сгущались обиды,
а здесь, невозбранно светла,
цитатою из Маймонида
первичная сущность текла.

И если монада любая
привычно туманила ум
один говорил: наливаю,
другой говорил: эрго сум,

Что толку об истинном, ложном,
зачем о невместном уму,
о сложном к чему, невозможном,
а кто ж его знает, к чему?

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Разливала ты пену в кружки,
я на сцене гитару терзал,
и была ты моей подружкой,
это каждый в пивнушке знал.

Был я злой, как шакал, поджарый,
и хотя из себя неказист,
но порою, бывая в ударе,
вызывал восхищённый свист.

Ты была здорова и красива,
как кобыла добрых кровей,
мне себя подносила и пива,
чтобы стал слегка подобрей.

Но рассеянно-одиноким,
только музыке всей душой
отдаваясь, я был жестокий,
непонятный тебе, чужой.

Для меня ты щипала брови,
перекрашивала перманент.
Я всё глуше гудел, басовой
перестраивал инструмент.

Не ценил я твоих усилий,
ни белёсых кудрей, ни бровей.
Ах, теперь ты ещё красивей,
и наверно, ещё здоровей.

Стерва-музыка нас разлучила,
истерзала меня, извела,
полбеда, если бы изменила,
заманила и не дала.

Отчего ж на хорошее чувство
не умеет ответить артист?
Нездоровая штука – искусство,
утверждаю, как специалист.

Ты была крановщицею в баре,
гитаристом-электриком я.
Эх, рвалась струна на гитаре,
золотая лилась струя.

БАЛЛАДА О СТАРЕЮЩЕМ ГЕРОЕ

Мы его обречём на старость,
скажем, Фаустом наречём,
пусть герой чёрт-те что листает
и мечтает о чёрт-те чём,
сей же час ревизор Главпосле,
дух неверия, так сказать,
пусть возникнет с проверкой, послан
бухгалтерию увязать.

Дебет-кредит и шито-крыто,
дух сердито пером скрипит,
преступление века раскрыто,
недостача и дефицит,
нехорошее сальдо-бульдо
между тем, что хотел и смел,
предавался скуке и блуду,
речь лукава, голос несмел.

Оттого что, чёрт его знает,
сколько времени, без затей,
ни черта не писал, черкая,
на полях рисуя чертей,
этой самой ночной порою
на него нападает стих
и является дух герою,
и даёт молодцу под дых.

Ишь чего захотел, свободы,
одиночество получи,
позапрошлые беды-заботы
перелистывая в ночи,
ты давно растерял беспечно
всё добро своё, зло своё,
время делит на бесконечность
и на ноль умножает всё.

Недостача, так недостатка,
отвечает герой ему,
неизвестно кому, удача
не ночует в пустом доме,
но с тех пор, как стены и крышу

жадным временем унесло,
стало видно кругом и слышно,
стало холодно и светло.

Стало вовремя и не поздно,
стало времени до черта,
чтоб на море глядеть и звёзды,
начинать с пустого листа,
приносить чистоте пустыни
аскетические дары,
из абсурдных пятен и линий
созидать и рушить миры.

Или, может быть, с ней, пропавшей
и почти позабытой, он
разговаривает, застрявший
между не настоящих времён:
эти ночи всего лишь вехи
на пути, ты скажи, куда,
не грусти, *meine liebe Gretchen*,
скоро свидимся никогда.

ПУНКТУАЦИЯ

б д

давай не забывай была у нас
великая страна где нефтегаз
был наше всё давай не фонтанируй
страна фратернитэ эгалитэ
с названьем грозным ёпэрэсэтэ
воинственный оплот добра и мира

она спала красавицей в гробу
и возбуждалась пункцией в трубу
как нарик в оттопыренную вену
не ту где страус танцевал вальсок
а эту самую где в кровоток
заштыривалась дурь проникновенно

на боевом дежурстве в пункте а
нацелены в созвездие кита
эс триста как те самые спартанцы

стояли чтоб не просочился враг
ни грека в реку ни варяг в овраг
до наших баб охочие засланцы

державы славной главный управдом
с трудом ворочал камни языком
до кладбища докладывал доклады
а после присосались к той трубе
пункционеры кэ и гэ и бэ
не покладая верного приклада

куда ж нам плыть спросил поэт а пэ
он ничего не знал о вэвэпэ
великом нашем валовом продукте
не плавал никогда ни в сен-тропе
ни в бора-бора ни в тэдэ тэпэ
и мы с ним совпадаем в этом пункте

да что всё о тебе да о тебе
давай поговорим дружок бэ дэ
о чём-нибудь не менее забавном
ну да мы были молоды тогда
пасли библиотучные стада
мечтали о великом и о славном

уже не вспомнить этой ерунды
потом когда всему пришли кранты
мы плакали о чём-то пустяковом
давай не будем чувствовать вины
один подлец уехал из страны
отъехала родная от другого

с народом мы практически родня
он приглашал циничного меня
вокал патриотический послушать
а кто тебя дружище заставлял
чтоб ты в недружном хоре подвывал
хотя бы и не вкладывая душу

давай уже на этом рубеже
простимся, постоим у пункта жэ
судьба ли пунктуация такая
одним куда-то бечь другим беречь

сундук не выпуская щит и меч
всё те же нефтегазы испуская

БАЛЛАДА О ЮНОМ ГОРНИСТЕ

Он когда-то был юн и прекрасен, и чист,
как прекрасный и юный, и чистый горнист
из такого же чистого гипса,
ни со страхами не был знаком, ни со злом,
но однажды о нежную деву с веслом
неожиданно больно ушибся.

Он куда-то бежал и упал на бегу,
и лежал распростёртый на грязном снегу,
полумёртвый какой-то и хилый,
а когда-то был сильным, как греческий бог,
и одной только левою справиться мог
хоть с какою неправою силой.

А теперь он позорно разбитый лежит,
никуда не бежит, о мечте не блажит
на манер пионерского горна,
вот лежит он, такой, с отлетевшей башкой,
и страдает с такой смехотворной тоской,
но страдания его иллюзорны.

Вот чего он разлётся, как павший герой,
да героев таких каждый первый-второй,
а страдателей третий-четвёртый,
настоящий герой, если он упадёт,
то его никакое весло не гребёт,
он встаёт, даже если и мёртвый.

Он такой, даже если совсем без башки,
даже если безногий, он с новой строки
обязательно встанет, как новый,
будет снова готов безголовый чужак
бестолковой мечтою измучиться, как
пионер всепример будьготовый.

ДВЕ ГИТАРЫ

две гитары за стеной
три рубля за штуку
ноют с жалобной тоской
навевая скуку

не скули не вой струна
напевая враки
у попа была жена
не было собаки

вот-те раз да ещё раз
просыпаться тошно
с каждой сукой на матрас
разве этак можно

то ли бредишь то ли спишь
то ли рухнул с дуба
ой нанэ-нанэ шалишь
да смеёшься глупо

снится синее в горох
скинутое платье
да бессмертные как грех
жаркие объятя

опа опа обана
оба виноваты
посылали оба на
и куда не надо

заносили все свои
бедные обноски
водку выплакали всю
до последней слёзки

над осиновым гнездом
птицею безумной
вьётся сон трясётся дом
с бабою чугунной

муха бьётся о стекло
успокойся муха
всё давным-давно прошло
вот такая мука

В КАМЕНИСТОЙ ПУСТЫНЕ

Путешествуя налегке с блуждающими огнями,
Ибрахим ибн Йакуб устало торопит коня,
не оглядывается, знает, за ним летят, догоняя,
два пылающих, испепеляющих огня,

человек просвещённый, он не верит в иблисов,
это просто две падшие, сгорающие звезды,
не бормочет заклятий, не пытается даже молиться,
в каменистой пустыне, кажется, и молитвы пусты,

это демоны ночи, в которых он также не верит,
это с падшими ангелами, низринутыми во тьму,
гонит ветер ночной, куда его гонит ветер?
Тот, кто знает ответы, не отвечает ему,

человек обречённый, друзья его предали, слуги
обокрали и тоже сбежали, в пустыне этой один,
он *Тому, кто молчит,* не приносит лишней докуки,
никому не покорный, сам себе господин,

едет мимо заброшенных капищ, в идолов грубых
не плюёт, он не верит в приметы и всякое колдовство,
Ибрахим ибн Йакуб аль Йахуд, беглец из Кордубы,
не боится даже *Того, кто гонит* куда-то его,

Тот, кто всё отнимает, дарует тоску и свободу,
всадник спешивается, идёт навстречу огням,
знает, демонов тьмы не прогонят ангелы света,
Тот, кто не существует, напрасно его догонял.

ВЕСЕЛО И СПОКОЙНО

Гай Петроний, почтенный сенатор и дважды консул,
отпрыск старого доброго всаднического рода,

раздосадован, оттого что он в спешке бросил
незаконченной только что начатую работу

над изящной вещицею, это скорее бегство,
чем поездка с друзьями от летней жары на виллу,
про себя повторяет удачный отрывок текста,
но и эту привычную радость ему отравила

клевета ненавистников, жалко, пустая тревога
не даёт насладиться сполна беседой неспешной
с дорогими друзьями и с детства знакомой дорогой
по Кампании милой, он думает: с глупой надеждой

и отчаянным страхом стоит ли длить мгновенья
этой жизни, которая, что поделать, не вечна,
для философа смерть не более, чем единенье
с большинством, а бесстрашно, значит и безнадежно,

что ж, достаточно времени для недолгих прощаний,
чтобы выпить с друзьями, весело и спокойно,
отпустить на волю рабов, написать завещанье,
безнадежно значит бесстрашно, значит достойно...

ЧЁРНЫЕ КОНИ

вот увозят героя любимца народа красавца
грозные трубы ревут и рывкают гулкою медью
тьмой небеса набухают грузные тучи курчавятся
яростный ветер треплет листву обречённую смерти

восемь коней вороных увозят красу человечества
хульо трухильо дуранте слезами омытое тело
на орудийном лафете увозят в мрачную вечность
плачь природа рыдайте народы осиротелые

нежные девы стенают ангельскими голосами
руки заламывают безутешно прекрасные жёны
в чёрных пополах идут с плюмажами чёрными самыми
страшные чёрные кони в смерть самую запряжённые

мечут огромные громы и молнии злобные тучи
трубы от горя шатаясь ревут вразнобой furioso

бравые воины и многомудрые мужи идущие
скорбно-торжественным маршем скрыть не пытаются слёзы

ветер метёт задирая подолы траурных платьев
умер отец наш кричит сокрушаясь народ а наследник
новый красавец хранитель заветов столп демократии
с горестным видом шагает в первом ряду из последних

сил удерживаясь чтоб в ухмылке рот не раззявить
ну разверзайтесь уже отверзайтесь хляби небесные
сдох наконец очоурился хульо старый мерзавец
чёрные кони увозят героя в чёрную бездну

ИЗ НАШЕГО РОМАНСЕРО

если никто не против
я бы родился снова
жгучим брюнетом пабло
в бедном глухом пуэбло
где никакого сроду
радиотелегугла
только моя гитара
пела бы вечерами
бурная как марсела
ветреной летней ночью
видят луна и звёзды
тело её нагое
звёзды цветы деревья голуби попугаи

пляшет моя гитара
страстная как фелипа
бёдра её крутые
бьются в моих объятьях
плачет моя гитара
нежная как анхела
ветер доносит запах
мяты и розмарина
всех бы любил и каждой
верен был как невесте
ирисовой инессе
и жасминной джасинте
лилии гиацинте розе марихуане

был бы я злой да наглый
бабам такие любви
тощий хитано смуглый
с золотыми зубами
был бы я вор и щёголь
вспыльчивый горделивый
нож в рукаве бы прятал
с яшмовой рукояткой
коротки ночи лета
вечной любви короче
птицы молчат ночные
слушают звуки страсти
птицы сверчки лягушки лошади крокодилы

БАЛЛАДА О ДЕВАХ ПРЕЖНИХ ДНЕЙ

Юрию Ковалю

В любое время ночи и дня
я мог постучаться в дверь,
и мне отворяла дева одна,
а может, их было две.

Одна была темна, как тоска,
вторая, как день, светла,
то не хотела та отпускать,
то эта к себе влекла.

Не довелось почему-то мне
их увидеть вдвоём,
одна была не в своём уме,
другая с детским умом.

Был я для первой опасный зверь,
скрывающийся во мгле,
когда уходил от неё, то дверь
взвизгивала в петле.

А для второй – суровый герой
с добрым и честным лицом,
дверь за моей прямой спиной
звякала бубенцом.
Носил пистолет я в кармане брюк,

кнут в рукаве таскал,
то хотел застрелиться вдруг,
то воевать скакал.

Легко я в то время сходил с ума,
теперь-то не то совсем,
бывало, ходил и в другие дома,
в которых я был никем.

Было это в таком-то году
в славном городе С,
в котором уже никого не найду,
да и не тот интерес.

Ни застрелиться, ни ускакать,
так оно все и прошло...
Эх, какая была тоска!
Ах, как было светло!